

КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС

Михалев А.В.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.4.20956

БОРЬБА ЗА ВОДУ – ПЕРСПЕКТИВЫ ГИДРОКОНФЛИКТОВ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Аннотация. В фокусе внимания в данной работе – проблема гидроконфликтов в регионе Внутренняя Азия. Объектом исследования является геополитическая ситуация в регионе, сложившаяся после распада СССР и повлекшая за собой пересмотр устоявшихся моделей межгосударственных отношений. Исходя из этого, предмет исследования мы определяем как процесс политической борьбы за доступ к водным и энергетическим ресурсам. Хронологическим контекстом объекта и предмета исследования является постсоциалистический период, т.е. время деконструкции системы взаимоотношений, построенных в период масштабного советского присутствия в изучаемом регионе. В основу методологии представленного исследования положен ивент-анализ. Этот метод предполагает исследование политики посредством последовательного рассмотрения событийного ряда. Научная новизна представленной работы основывается на двух ключевых тезисах: во-первых, представленное исследование является одной из первых попыток рассмотреть проблему строительства ГЭС в долине р. Селенга в политическом, а не в экологическом ракурсе; во-вторых, проблемы геополитики во Внутренней Азии впервые рассматриваются через призму распределения гидро и энергоресурсов.

Ключевые слова: политика, Внутренняя Азия, вода, ресурсы, конфликт, Монголия, постсоциализм, энергетика, власть, геополитика.

Abstract. The study is focused on the problem of hydro-conflicts in Innermost Asia. The research object is the geopolitical situation in the region after the collapse of the Soviet Union which had led to the revision of the established models of state-to-state relations. Therefore, the research subject is the process of political struggle for water and energy resources. The chronological context of the research is the post-Socialist period, i.e. the period of deconstruction of the system of interrelations, established during the period of a large-scale Soviet presence in this region. The research methodology is based on event-analysis. This method includes the policy study via the successive consideration of events. The scientific novelty of the study consists in two theses: firstly, this study is one of the first attempts to consider the problem of building the water power plant in the Selenga river valley in its political rather than ecological aspect; secondly, geopolitical problems in Innermost Asia are for the first time considered in the context of water and energy resources allocation.

Key words: energetics, postsocialism, Mongolia, conflict, resources, water, Innermost Asia, policy, power, geopolitics.

Внутренняя Азия – это регион, геополитически зажатый между Китаем и Россией, огражденный ими от внешнего мира. Сегодня в этот регион входят: Внутренняя и Внешняя Монголия, Бурятия, Тува и Алтай. Это часть некоего единого монгольского мира, тесно связанная общими религиозными традициями буддизма и шаманизма. В центре этого региона находится озеро Байкал – крупнейшее естественное хранилище пресной воды, питаемое реками всего региона.

Сегодня вокруг Байкала разворачивается масштабная полемика в региональных СМИ, в которой активное обсуждается и политизируется вопрос об его обмелении. Так, в 2015 году озеро достигло отметки в 465 метров, которая называется критической. Полемика о гидроресурсах ведется как минимум в трех странах: в России, Монголии и Китае. Наиболее острые противоречия возникают между Монголией и Россией, так как большую часть воды, поступающей в Байкал через притоки, обеспечива-

ют реки, берущие свое начало на территории Монголии. При этом немаловажным фактором этих дискуссий является аспект, касающийся сакральности Байкала в традиционной культуре монгольских народов.

Особенно острым вопрос о Байкале стал после решения правительства Монголии построить каскад ГЭС в месте слияния рек Эг и Селенга, кроме того, планируется строительство еще ряда подобных объектов в районе рек Дэлгэр и Тола (являющихся частью единой гидросистемы Внутренней Азии). По мнению большинства российских экологов, это усугубит ситуацию на Байкале и приведет к масштабной экологической катастрофе. С китайской стороны было заявлено о готовности выступить в качестве инвестора этого проекта, в частности, одной из заинтересованных структур выступил Экспортно-импортный банк Китая. При этом в июне 2016 года министр природных ресурсов С. Е. Донской на Санкт-Петербургском эконо-

мическом форуме заявил, что на данный момент строительство ГЭС «Шурэн» приостановлено, и выразил надежду на то, что Монголия все же откажется от этого строительства [1].

Что же касается монгольской стороны, то для нее строительство гидрокомплексов носит стратегически важный характер, так как приведет к снижению импорта электроэнергии из России. В преддверии выборов в парламент Монголии, которые состоялись в июне 2016 года, проблема строительства ГЭС связывалась с вопросом национальной безопасности и суверенитета страны. Политизация этого вопроса приобретает все более острые формы. Наиболее радикально настроенные монгольские лидеры общественного мнения высказывают недовольство монополией России на водные и энергетические ресурсы. При этом каждая из сторон апеллирует к международному праву и находит в нем аргументы для обоснования своей позиции по вопросу ГЭС. De facto сегодня в регионе Внутренняя Азия началась борьба за передел водных ресурсов по аналогии с другими постсоциалистическими регионами, расположенными в бассейнах крупных рек.

Проблемам водных конфликтов в азиатском регионе посвящены работы Дж. Аллана [2], К. Боришполеца [3], В. Данилова-Данильяна [4], Б. Моселло [5], С. Пейруза [6], Н. Рогожиной [7], Дж. Старр [8], Д. Триллинга [9], Т. Цыреновой [10].

В фокусе внимания в данной работе – проблема гидроконфликтов в регионе Внутренняя Азия. Объектом исследования является геополитическая ситуация в регионе, сложившаяся после распада СССР и повлекшая за собой пересмотр устоявшихся моделей межгосударственных отношений. Исходя из этого, предмет исследования мы определяем как процесс политической борьбы за доступ к водным и энергетическим ресурсам. Хронологическим контекстом объекта и предмета исследования является постсоциалистический период, т.е. время деконструкции системы взаимоотношений, построенных в период масштабного советского присутствия в изучаемом регионе.

В основу методологии представленного исследования положен ивент-анализ. Этот метод предполагает исследование политики посредством последовательного рассмотрения событийного ряда. В данной работе мы опираемся на материалы российских региональных СМИ и базы данных, касающиеся статистической информации о Байкале.

Научная новизна представленной работы основывается на двух ключевых тезисах: во-первых, представленное исследование является одной из первых попыток рассмотреть проблему строительства ГЭС в долине р. Селенга в политическом, а не в экологическом ракурсе; во-вторых, проблемы

геополитики во Внутренней Азии впервые рассматриваются через призму распределения гидро и энергоресурсов.

Водная геополитика во Внутренней Азии

Почему вода и водная энергетика имеют большое значение в достаточно богатом реками и озерами регионе Внутренняя Азия? Дело в том, что именно в этом регионе на территории Монголии и КНР находится самая крупная локальная пустыня – Гоби. На ее территории сегодня ведется активная добыча полезных ископаемых. Большой ущерб экологии региона наносит добыча золота. Сегодня «золотая лихорадка» охватила Монголию: количество «черных старателей» достигло внушительного числа [11]. Добыча золота в пустыне требует большого количества воды для промывания золотоносного песка. В результате этого загрязняются ближайшие, а зона пустыни грозит расширением. В этой связи на территории КНР реализуется проект зеленая китайская стена, который должен противостоять опустыниванию.

Другим важным фактором является то, что на территории Восточной Гоби разведано два месторождения нефти: Зуунбаян и Цагаан-Элс. Разработка эти месторождений требует увеличения нагрузки на энергетическую систему Монголии либо дополнительного экспорта из России или Китая. Помимо этого, Монголия планирует разработку еще двух крупных месторождений: угля и цветных металлов (Таван-Толгой и Оюу-Толгой). Однако иностранным инвесторам, вкладывающим деньги в добывающую отрасль, необходимы энергетические ресурсы, вырабатываемые на территории Монголии. Этот фактор будет гарантировать безопасность вложений в месторождения.

С другой стороны, Монголия испытывает серьезные экологические сложности, ее столица Улан-Батор в 2015 году по загрязненности воздуха вышла на 1 место в мире обогнав Пекин [12]. Потребность в чистой воде также нарастает. Горнодобывающий бум привел к тому, что объемы несанкционированных сбросов промышленных отходов в реки стали расти. В этой ситуации формируется потребность в строительстве крупных водозаборов и каскадов, которые будут защищены от загрязнения.

Таким образом, ситуация вокруг Селенги и ее притоков является аналогичной водным спорам в постсоветской Центральной Азии [13]. В российско-монгольских отношениях вода стала важным политическим ресурсом, предметом споров и спекуляций. Как свидетельствуют факты, ситуация осложняется заинтересованностью транснациональных корпораций, инвестирующих в эконо-

мику Монголии, в формировании национальной энергетической автаркии. В результате вопрос о воде приобрел значение на уровне проблемы суверенитета страны и все чаще связывается с националистической риторикой.

Исторический контекст энергетической геополитики

Идея строительства ГЭС на реке Селенга возникла в начале 1930-х годов в СССР в фоне побед первой пятилетки. Идея преобразования природы была едва ли не главным посылом того времени. Возник проект строительства двух каскадов на территории Бурятской АССР в непосредственной близости к границе Монголии. Исследования института Гидроэлектропроект показывали огромный потенциал реки Селенга и ее притоков [14, С. 3]. Однако было принято решение отказаться от масштабного строительства крупных ГЭС в этом регионе. Официально причиной было указана хозяйственная нецелесообразность данного строительства ввиду сравнительно небольшого количества потенциальных потребителей.

Строительство ГЭС на Селенге должно было обеспечить электричеством Забайкалье, Монгольскую Народную Республику и часть тогда еще независимой Тувинской Народной Республики. Однако активизация Японии в Манчжурии, а также создание под японским протекторатом Мэнцзяна (Монгол-го) – монгольского квазигосударства во Внутренней Монголии – вынудили СССР свернуть глобальные инфраструктурные проекты в данном регионе. В свою очередь Япония развертывала свои, зачастую ставившие откровенно грабительские цели, инфраструктурные стройки. Победа на Халхин-Голе, а вслед за ней начавшаяся Вторая мировая война переключили внимание советского руководства на более важные задачи.

Проблема обеспечения Монголии электроэнергией вновь стала важной лишь в 1960-е годы, во многом в связи с индустриальным развитием региона, а также в связи с надвигавшимся советско-китайским конфликтом. На территорию Монгольской Народной Республики была введена группировка советских войск, началось активное строительство промышленных объектов с массовым привлечением советских специалистов. Активное индустриальное развитие МНР приводило к удвоению объемов потребления электроэнергии каждую пятилетку. С 1965 по 1974 год советские исследовательские экспедиции определили 27 мест на реках Монголии, пригодных для строения гидроэнергетических сооружений [15]. В этих условиях на территории Бурятской АССР была построена Гусиноозерская ГРЭС, работающая на местном

угле и по сей день поставляющая электроэнергию в Монголию. Однако от идеи строительства ГЭС было решено отказаться, ввиду близости к границе, а следовательно, опасности техногенной катастрофы в случае войны. Основные каскады, вырабатывающие энергию, находились на территории Иркутской области (Ангарский каскад ГЭС). Однако в 1991 году монгольское руководство высказало намерение построить ГЭС на реке Эгийн Гол. Однако оно не было реализовано под давлением целого комплекса экономических и политических причин.

Уход Советского Союза из Монголии после демократической революции зимы 1989-1991 годов и последовавшая вслед за этим частичная деиндустриализация страны привели к сокращению потребления электроэнергии. Так, уровень потребления 1989 года был достигнут лишь в 2007 году. Сегодня Топливо-энергетическая система Монголии носит дефицитный и ориентированный на импорт характер [15].

Гидропроекты в современной Монголии

Новый проект строительства ГЭС на притоках Селенги стал активно обсуждаться в Монголии с 2014 года. Его возникновение связано с двумя причинами:

- 1) Активным развитием экономики страны под влиянием иностранных инвестиций, а вследствие этого увеличением потребления электроэнергии;
- 2) Заинтересованностью ряда держав (в частности США и Японии) в выходе Монголии из системы энергетической зависимости от России (20% энергии экспортирует РФ).

В частности, в 2010-2011-е годы Япония предлагала Монголии технологию обогащения урана и проект строительства АЭС в обмен на захоронение радиоактивных отходов. Подобный проект вызвал негативную реакцию в монгольском обществе, поэтому дальнейшего развития не получил, хотя монгольское руководство систематически декларирует намерение построить АЭС к 2020 году [16].

В этом контексте строительство ряда каскадов на реках Эг и Шурэн выглядело менее опасным, при этом монгольская сторона приводила ряд аргументов в пользу проекта ГЭС:

- 1) ГЭС будет строиться на территории Монголии, и поэтому в проекте учтены почти все экологические риски;
- 2) Монголия не будет экспортировать электроэнергию, ГЭС строится для внутренних целей;
- 3) Монголия испытывает дефицит пресной воды, поэтому необходимо создать крупное искусственное водохранилище, которое станет стратегическим резервуаром.

Строительство ГЭС в Монголии является вопросом, связанным с пониманием национального суверенитета. Эта проблема вызвана особым пониманием монгольскими политиками места своей страны в мире. В данном дискурсе преобладает принцип экономической автаркии, при этом не учитывается специфика мировых интеграционных трендов. В описываемой ситуации ГЭС, на наш взгляд, является в большей степени политическим проектом, посредством которого монгольская элита решает задачу поддержания легитимности в условиях зависимости от китайских инвесторов, а также увеличивает рейтинговые показатели поддержки населения. Другим важным аспектом является соблюдение норм международного права. Так, в 1995 году между Россией и Монголией было заключено соглашение об использовании трансграничных рек. Данное соглашение указывает на необходимость двустороннего согласования в вопросах принятия решений в случае хозяйственного использования трансграничных рек. Руководитель проекта по строительству Эгийнской ГЭС Д. Одхуу указал, что соглашение 1995 года регулирует лишь вопрос о Селенге, а не о ее притоках [15]. Но если учитывать притоки, то под давлением двустороннего согласования оказывается 80% рек Монголии. Данная позиция устойчиво сводится к тому, что вмешательство в вопрос строительства Эгийнской ГЭС – это вмешательство во внутренние дела Монголии.

Политический контекст

Апелляция к национальным интересам в данной ситуации была связана прежде всего с политическими задачами, стоящими перед президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем. В условиях парламентской республики вес президента и поддерживающей его «Демократической партии» опирается на возможность реализации мегапроектов, одним из которых может быть строительство ГЭС. Ежегодно Монголия тратит, по данным различных источников, до 25 миллионов долларов на экспорт электроэнергии из России [15]. Эта сравнительно небольшая сумма в масштабах одной страны не может быть причиной для начала новых и гораздо более дорогостоящих проектов. Причина этому, на наш взгляд, кроется в политике, реализуемой демократами, начиная с 2008 года. Сущность этой политики можно охарактеризовать термином «ресурсный национализм».

В период предыдущих выборов в Великий Государственный Хурал – высший законодательный орган – демократы выступали с идеей природной ренты и упорядочивания добычи ископаемых в стране. Предвыборная интрига строилась во-

круг дух месторождений: угольного Таван-Толгой и цветных металлов Оюу-Толгой. Предвыборные дебаты зачастую сводились к обсуждению масштабов природной ренты и конкретной суммы, которая должна была приходиться на одного гражданина страны [17].

В поствыборный период начались длительные переговоры между руководством страны и инвесторами, зачастую заканчивавшиеся пересмотром «правил игры» и гарантий инвестиций. Эта ситуация поддерживалась в прессе публикациями о том, что природные богатства страны при населении 3,1 млн. человек способны превратить ее во вторую Саудовскую Аравию. Однако реализация данных планов затягивается, разработка целого ряда месторождений природных ресурсов в Монголии ведется незаконно. Соответственно в стране назревала потребность в новой идее, способной привлечь внимание избирателей накануне парламентских выборов 2016 года. Кроме того, в 2017 году в Монголии должны состояться выборы президента страны в условиях, когда парламентские выборы июня 2016 года привели к поражению демократов. Вопрос об электричестве в стране, где часть населения живет в юртах и получает энергию за счет солнечных и ветряных генераторов несомненно является важным. Ситуацию усугубляет еще и высокий уровень бедности в этой стране [18], поэтому различные формы национализма находят живой отклик в обществе. В итоге на первый план выходят идеи ущемленного суверенитета и национализации природных богатств. Подобные тенденции, связанные с распространением ресурсного национализма, вызывают обеспокоенность не только в России и КНР, но и у западных экспертов. Так, еще в 2008 году Ариэль Коэн – сотрудник Heritage Foundation – писал: «Руководство США напоминало своим монгольским друзьям, что они опасно близки к превращению в “ресурсных националистов”. Парламентские выборы в Монголии должны состояться 29 июня. А уходящий кабинет подготовил законопроект, закрепляющий высокие налоги на непредвиденную прибыль в добывающей промышленности, и потребовал передать государству контрольные пакеты акций в “стратегических” добывающих предприятиях» [19].

Стейкхолдеры

Итак, идея строительства ГЭС в Монголии тесно связана с локальным пониманием идеи суверенитета, сформированного под влиянием экономического национализма. Тренд десоветизации и суверенизации, направленный не только на деконструкцию марксистско-ленинских догм, но и на разрыв устоявшихся хозяйственных связей, харак-

теризует первое демократическое десятилетие в истории Монголии. В это же время впервые был поставлен вопрос об энергетической независимости. Как уже говорилось выше, одним из первых решений нового постсоциалистического руководства страны было строительство ГЭС на реке Эгийн Гол. Азиатский банк развития профинансировал разработку технико-экономического обоснования. Вскоре был найден малазийский субподрядчик. Однако в условиях сложной политической ситуации в стране началась смена обслуживающих этот проект компаний, вскоре от услуг малазийцев было решено отказаться и проект был окончательно заморожен в 1996 году. В 2015 году один из руководителей проекта Эгийнской ГЭС Д.Одхуу в одном из интервью высказал мнение о причастности российской стороны к консервации данной стройки [15].

С начала 2000-х годов в связи с увеличением присутствия китайского капитала в экономике Монголии большая часть крупных проектов в этой стране, так или иначе, опирается на инвестиции из КНР. С 2014 года, когда возобновились попытки строительства двух ГЭС – Эгийнской и Шурэн – количество заинтересованных сторон увеличилось. Так, наиболее масштабная стройка ГЭС Шурэн, по плану монгольского руководства, должна была получить поддержку из Всемирного банка. 6 марта 2016 года были проведены первичные переговоры. Однако при активном вмешательстве России проект Шурэнской ГЭС был законсервирован, так как он нес прямую угрозу озеру Байкал – бассейн реки Шурэн попадает под действие соглашения о трансграничных водах 1995 года.

Что же касается Эгийнской ГЭС, то ее строительство планировалось за счет средств китайских инвесторов. Однако в июне 2016 китайская сторона отказала в гидроэнергетическом кредите Монголии. Это вызвало резкую реакцию в Улан-Баторе. Д. Одхуу заявил: «Нам нужно знать, что мы независимы, или же просто марионетки Китая и России. Если мы откажемся (от ГЭС – прим. А.М.) – монгольский народ будет знать, что мы ничего не можем сделать без российского или китайского разрешения» [20]. При этом агентство Bloomberg сообщило, что Монголия может начать поиски финансирования для Эгийнской ГЭС в Южной Корее или Японии.

Кроме того, турецкая компания ZTM планирует построить за собственный счет на западе Монголии ГЭС, которая будет обеспечивать электроэнергией три аймака страны. Планируется построить ГЭС мощностью 92,8 МВт стоимостью 248 млн. долларов [21]. Таким образом, напрашивается вывод о несостоятельности идеи энергетической независимости Монголии, т.к. вместо одного

иностранного актора, поставляющего электроэнергию, вероятнее всего появится несколько. Однако в данной ситуации говорить о полной национализации топливно-энергетической системы не получается.

На протяжении всего времени большую заинтересованность в монгольских ГЭС проявлял Всемирный банк. Сегодня его эксперты заявляют об относительной безопасности проектов строительства каскадов на реке Эгийн Гол. Однако речь о прямых инвестициях Всемирного банка в данный проект сегодня не ведется, хотя заинтересованность фиксируется почти на всех уровнях обсуждения проблемы.

В этой ситуации позиция России на протяжении последних 25 лет была неизменной: строительство ГЭС на притоках реки Селенга нанесет непоправимый вред озеру Байкал. В разное время велись переговоры об уступках и достижении баланса цен при поставках энергоносителей в Монголию. Выстраивалась особая система стратегического партнерства. Однако именно вопрос о ГЭС на протяжении длительного времени является основным предметом дискуссий в условиях длительных добрососедских отношений между двумя странами.

Существует ключевой вопрос о том, не связана ли незаинтересованность России в монгольской ГЭС с нарушением ее монополии на поставки электроэнергии. Напомним, что ежегодно Монголия покупает электричество на сумму 25 млн. долларов (284,45 млн кВт в час. в 2015 году) [22]. Подобные объемы серьезно не влияют на денежно-валютные поступления российским компаниям от экспорта электричества. Другой фактор, который ставится в вину России, – это стремление держать Монголию в энергетической зависимости. Однако Монголия – это страна, не имеющая выхода к морю и граничащая только с КНР и РФ, и говорить в данных условиях о значимости энергетической зависимости не совсем справедливо. Кроме того, Монголия экспортирует из России нефтепродукты, что является гораздо большим фактором зависимости, нежели энергетика. Соответственно остается основным фактор – экология бассейна озера Байкал, крупнейшего в мире естественного хранилища пресной воды.

Юридическая составляющая и возникшие коллизии

Озеро Байкал является объектом всемирного природного наследия ЮНЕСКО – это основной юридический тезис, вокруг которого строится дискуссия о ГЭС. В эпоху социализма между МНР и СССР в 1974 году был заключен договор, регулирующий использование трансграничных вод. Существует также достаточно большой пакет актов междуна-

родного права, определяющий пределы самостоятельного использования приграничных рек. На территории Монголии формируется водный сток в среднем 14,0–15,0 км/год, составляющий около 50% объема суммарного стока Селенги, поступающего в Байкал. Бассейн реки Селенга разделен между двумя странами в следующих пропорциях: 299,0 тыс. кв. км (66,9 %) приходится на территорию Монголии, на территорию России – 148,1 тыс. кв. км (33,1 %) [10]. Все эти факты естественно подталкивали к заключению договоров о пользовании реками. Однако в условиях, когда Монголия находилась в составе социалистического лагеря и рассматривалась едва ли не как самый надежный союзник СССР, качество проработки договоров о трансграничных реках было сравнительно невелико. Здесь же нужно отметить, что правовые нормы и в СССР, и в МНР были выработаны в рамках т.н. «социалистической правовой семьи» и практически не вступали в противоречия.

После распада СССР в 1995 году было заключено новое двустороннее соглашение, которое регулирует и регламентирует пользование трансграничными реками, однако, оно почти не затрагивает вопрос о многочисленных притоках Селенги. Термин трансграничные воды в соглашении определялся как реки, ручьи, озера и другие поверхностные водные объекты, а также месторождения подземных вод, по которым проходит или которые пересекает государственная граница. Под негативным воздействием понимались любые значительные вредные последствия для окружающей среды, человека и материальных объектов, возникающие в результате изменения состояния трансграничных вод, вызываемого деятельностью человека, физический источник, которой расположен на территории другой стороны [23]. Данный договор определил основные правовые категории, которыми оперируют и по сей день, в том числе в ходе дискуссий о ГЭС.

В 2010-е годы при обсуждении проблемы ГЭС стало активно использоваться понятие «бассейн озера Байкал». Это достаточно широкий термин, включающий в себя все реки, питающие озеро и их притоки. Однако монгольские юристы настаивают на том, что понятие «бассейн озера Байкал» не является юридической категорией, каким-либо образом закрепленной в нормативных документах, и поэтому Россия не в праве вмешиваться в процессы, касающиеся притоков р. Селенга. Однако именно бассейн озера Байкал – это термин, который по мнению экологов наиболее полно характеризует геозкосистему данного водоема и прилегающего к нему региона.

В 2016 году между Россией и Монголией был заключен «меморандум о взаимопонимании по ГЭС

на реке Эгийн-Гол», в рамках этого документа отмечалось, что российская сторона принимает к сведению заявление проектного руководства ГЭС о том, что это строительство не требует согласования с РФ. Российское посольство в Монголии высказало категорическое несогласие с возведением каскада ГЭС без предварительной экспертизы российскими учеными. Однако руководитель проекта ГЭС Д. Одхуу заявил: «Теперь у Монголии нет никаких барьеров продолжать строительство Эгийн-Гольской ГЭС» [23]. Данное заявление в корне противоречило духу заключенного ранее меморандума.

В результате долговременных дискуссий Россия признала право Монголии самостоятельно распоряжаться внутренними реками, не попадающим под действие соглашения 1995 года. В качестве одной из инициатив было предложено провести в течение 30 дней общественные консультации в селах на западном берегу Байкала (Иркутская область) с целью выявить мнение местного населения по вопросу о возможности строительства ГЭС на территории Монголии. Однако в июле 2016 МИД России выступил с инициативой провести более масштабные слушания Республике Бурятия по вопросу о строительстве ГЭС, на территории которой находится озеро Байкал и протекает река Селенга, на притоках которой планируется взведение каскадов.

В июле 2016 года российская дипломатическая делегация добилась повторного решения Комитета по природному наследию ЮНЭСКО о недопустимости строительства ГЭС на притоках реки Селенга, поскольку это может нанести вред экологии «подмандатной» ЮНЭСКО территории. Также вопрос о ГЭС ставился на 11 саммите АСЕМ в ходе встречи президента Ц. Элбэгдоржа с премьер-министром России Д.А. Медведевым. Ц. Элбэгдорж настаивал на целесообразности строительства ГЭС, а также на экологической безопасности данного проекта [24].

Формирование компромиссного решения в рамках правового поля по вопросу о строительстве ГЭС на данном этапе затягивается. В Монголии находят десятки причин, которые доказывают необходимость этого проекта. Однако главной причиной является стремление к достижению суверенитета в области энергетики. Официальный Улан-Батор апеллирует к праву самостоятельно распоряжаться водными ресурсами, которые согласно конституции Монголии являются национальным достоянием [25].

В данной статье мы попытались ответить на вопрос что имеет приоритетное значение: чистая вода или энергоресурсы. В большей степени мы склоняемся к ответу – электроэнергия. Это связа-

но с бурно развивающейся горнодобывающей отраслью в Монголии, с каждым днем требующей все большего количества кВт в час. Наряду с этим вложенные в добычу полезных ископаемых иностранные инвестиции требуют гарантий того, что предприятия не остановятся в связи с перебоями в поставках электричества. В итоге перед Монголией на первый план вышла задача создания полностью автономной энергетической системы. Единственным ответом на данные вызовы могут стать лишь каскады ГЭС на притоках Селенги. Здесь же встает вопрос и том, возможны ли в перспективе поставки электроэнергии из Монголии в Северо-Восточной Китай. С большой долей вероятности можно утверждать, что подобный сценарий развития событий вполне вероятен. Однако все перечисленное относится лишь к перспективному прогнозированию, поскольку до запуска первого каскада пройдет еще много времени. Тем временем ситуация будет все более политизироваться, выходя за рамки экологических споров.

Сегодня, руководство Монголии занимает последовательную позицию о необходимости строительства ГЭС. Достижение компромисса в этом вопросе осложняется как прошедшими парламент-

скими, так и предстоящими президентскими выборами. На протяжении последних двух месяцев лета 2016 года идет формирование нового правительства. Учитывая динамику предыдущих президентских выборов, прошедших под лозунгами ресурсного национализма, мы можем предположить, что и ближайшая предвыборная компания будет идти с лозунгами за энергетическую автаркию. В условиях высокого уровня бедности это едва ли не единственный способ объяснить сравнительно немногочисленному населению причины низкого уровня и качества жизни. Именно поэтому конфликтный потенциал ситуации вокруг ГЭС будет периодически нарастать.

Сложившаяся в Монголии ситуация является последствием распада СССР и экономической системы всего Восточного блока. Столь позднее возникновение гидроконфликта в изучаемом нами регионе обусловлено его периферийностью в системе отношений в СЭВ. Вопрос о воде встал столь остро только после начала освоения в Монголии новых месторождений природных ископаемых и связанной этим перспективой новой индустриализации, которой традиционной предшествует электрификация.

Библиография:

1. России удалось приостановить монгольский проект, угрожавший экологической безопасности Байкала // news.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/25feb2016/baikal.html>.
2. Allan J.A. The Middle East water question: Hydropolitics and the global economy. – London, New York: Ib Tauris, 2002.
3. Боришполец К. П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С.25-38.
4. Данилов-Данильян В.И. Глобальный водный кризис и роль России в его разрешении // Геополитические исследования. 2009. Т.1. №1. С.54-68.
5. Mosello B. Water in Central Asia: a prospect pf conflict of cooperation // Journal of Public and International Affair. 2008. Vol. 19. P 151-174.
6. Peyrouse S. The hydroelectric sector in Central Asia and the growing role of China // China and Eurasia Forum Quarterly. 2007. Т. 5. № 2. С. 131-148.
7. Рогожина Н.Г. Конфликтный потенциал водных ресурсов Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 1 (22). С.44-54.
8. Starr J. R. Water wars //Foreign policy. 1991. №82. С. 17-36.
9. Trilling D. Tajikistan: Q&A with Iran's Envoy to Dushanbe // Eurasianet. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasianet.org/node/65257>
10. Цыренова Т.Б. Сотрудничество России и Монголии в области охраны и использования трансграничных вод. – Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2011.
11. Михалев А.В. Повседневность экономического национализма, или кому принадлежит золото Монголии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т.XVII. №5 (76). С.177-191.
12. Mongolian Statistical Yearbook 2015. Ulaanbaatar: NSO, 2016.
13. Mosello B. Water in Central Asia: a prospect pf conflict of cooperation //Journal of Public and International Affair. 2008. Vol. 19. P 151-174.
14. Вознесенский А.И. Энергетические ресурсы реки Селенги // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1934. 11 декабря.
15. Одхуу Д. Воды Монголии-Воды России. Интервью [Электронный ресурс]. URL: http://www.mongolnow.com/mn-hydro-st-05_16.html.
16. Планы Монголии по строительству АЭС к 2020 году не изменятся – менеджер // atominfo.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atominfo.ru/news6/f0095.htm>.
17. Гольман М. Победа демократов в... Монголии // ЦентрАзия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1345395300>.
18. Баабар О бедности в Монголии // ARD. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>.
19. Россия в погоне за монгольскими ресурсами // Война и Мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/24711/>.

20. Галданова Ж. Китай отказал Монголии в гидроэнергетическом кредите, беспокоясь о России // ARD. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/12957/>.
21. Сосорбарам М. В Монголии стартует строительство турецкой ГЭС // ARD. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/11875/>.
22. В 2015 году «Восточная энергетическая компания» экспортировала в Китай и Монголию свыше 3,58 млрд кВт*ч // EnergyLand.info. [Электронный ресурс]. URL: <http://energyland.info/news-show--electro-144868>.
23. Михайлов С. Быстрицкая И. Судьбу Байкала решит Путин // gazeta.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/06/06/8287325.shtml>.
24. Сосорбарам М. Медведев и Элбэгдорж начали переговоры с вопроса о Байкале // ARD. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/13007/>.
25. Монгол Улсын Үндсэн // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/367>

References (transliterated):

1. Rossii udalos' priostanovit' mongol'skii projekt, ugrozhavshii ekologicheskoi bezopasnosti Baikala // news.ru [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.newsru.com/russia/25feb2016/baikal.html>.
2. Allan J.A. The Middle East water question: Hydropolitics and the global economy. – London, New York: Ib Tauris, 2002.
3. Borishpolets K. P. Vodno-energeticheskie problemy Tsentral'noi Azii: vozmozhnye puti resheniya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 3 (30). S.25-38.
4. Danilov-Danil'yan V.I. Global'nyi vodnyi krizis i rol' Rossii v ego razreshenii // Geopoliticheskie issledovaniya. 2009. T.1. №1. S.54-68.
5. Mosello B. Water in Central Asia: a prospect pf conflict of cooperation // Journal of Public and International Affair. 2008. Vol. 19. P 151-174.
6. Peyrouse S. The hydroelectric sector in Central Asia and the growing role of China // China and Eurasia Forum Quarterly. 2007. T. 5. №. 2. S. 131-148.
7. Rogozhina N.G. Konfliktnyi potentsial vodnykh resursov Tsentral'noi Azii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2014. № 1 (22). S.44-54.
8. Starr J. R. Water wars //Foreign policy. 1991. №82. S. 17-36.
9. Trilling D. Tajikistan: Q&A with Iran's Envoy to Dushanbe // Eurasianet. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.eurasianet.org/node/65257>
10. Tsyrenova T.B. Sotrudnichestvo Rossii i Mongolii v oblasti okhrany i ispol'zovaniya transgranichnykh vod. – Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2011.
11. Mikhalev A.V. Povsednevnost' ekonomicheskogo natsionalizma, ili komu prinadlezhit zoloto Mongolii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2014. T.XVII. №5 (76). S.177-191.
12. Mongolian Statistical Yearbook 2015. Ulaanbaatar: NSO, 2016.
13. Mosello B. Water in Central Asia: a prospect pf conflict of cooperation //Journal of Public and International Affair. 2008. Vol. 19. P 151-174.
14. Voznesenskii A.I. Energeticheskie resursy reki Selengi // Buryat-Mongol'skaya pravda. Verkhneudinsk. 1934. 11 dekabrya.
15. Odkhuu D. Vody Mongolii-Vody Rossii. Interv'yu [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.mongolnow.com/mn-hidro-st-05_16.html.
16. Plany Mongolii po stroitel'stvu AES k 2020 godu ne izmenyatsya – menedzher // atominfo.ru [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.atominfo.ru/news6/f0095.htm>.
17. Gol'man M. Pobeda demokratov v... Mongolii // Tsentraziya. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1345395300>.
18. Baabar O bednosti v Mongolii // ARD. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/7106/>.
19. Rossiya v pogone za mongol'skimi resursami // Voina i Mir [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/24711/>.
20. Galdanova Zh. Kitai otkazal Mongolii v gidroenergeticheskom kredite, bespokoyas' o Rossii // ARD. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://asiarussia.ru/news/12957/>.
21. Sosorbaram M. V Mongolii startuet stroitel'stvo turetskoi GES // ARD. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://asiarussia.ru/news/11875/>.
22. V 2015 godu «Vostochnaya energeticheskaya kompaniya» eksportirovala v Kitai i Mongoliiyu svyshe 3,58 mlrd kVt*ch // EnergyLand.info. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://energyland.info/news-show--electro-144868>.
23. Mikhailov S. Bystritskaya I. Sud'bu Baikala reshit Putin // gazeta.ru. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/06/06/8287325.shtml>.
24. Sosorbaram M. Medvedev i Elbegdorzh nachali peregovory s voprosa o Baikale // ARD. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://asiarussia.ru/news/13007/>.
25. Mongol Ulsyn Yndsen // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/367>